

Ночлег в тесном пансионе возле Акадамае Корвосы стоил больше денег, чем Элласиф видела за первые двадцать пять лет своей жизни. Но последний год принес много перемен, в том числе и толстый кошелек. Она снимала комнату на чердаке уже несколько ночей, и ее новый мешочек для монет все еще был почти полон.

Пансион занимал боковую улицу, где несколько старых домов стояли в окружении маленьких магазинчиков и таверн, которые как грибы росли вокруг знаменитой школы магии. По меркам Корвосы дом никогда не был величественным, и за долгие годы он заработал свою порцию сквозняков и скрипов. У Элласиф были причины благодарить и за то, и за другое. Ночной ветер делал жару южного города чуть более терпимой, а скрип третьей сверху лестницы возвестил о том, что кто-то приближается к ее спальне на мансарде.

"Кто-то большой идет", - позвала она на своем родном скальдском языке. Она поднялась, полностью одетая, с узкой кровати. "Кто-то большой и неуклюжий". Она услышала еще один шаг и громко принялась. "Пахнет коварным человеком. Кто бы это мог быть?"

Она потянулась за мечом и в два шага пересекла маленькую комнату. Задвинув засов, она отступила назад и небрежно положила меч на одно плечо. "Входи, Оленька".

Дверь распахнулась, и в низкий дверной проем протиснулась высокая женщина - ульфенская воительница с косами цвета пламени и полными губами, сжатыми в мрачную линию.

Они долго стояли, глядя друг на друга. "В следующий раз, - посоветовала Элласиф, - попробуй упереться руками в обе стороны лестницы, когда будешь подниматься. И вымойся, женщина. Я все еще чувствую на тебе запах зимнего медвежьего жира, а это значит, что южанин может учуять тебя за день до твоего прихода".

"Я не заботилась о скрытности", - сказала Оленька. У Элласиф были все основания не радоваться встрече с бывшей подругой, но все же было приятно услышать, как кто-то еще говорит на ее родном языке в этой чужой стране.

"Ты проделала длинный путь, если жаждешь драки", - сказала Элласиф. "И ты прибыла в самый неурочный час".

Оленька вздохнула сквозь стиснутые зубы. "Ты знаешь, зачем я пришла".

"Неужели Белый Грач настолько безопасен, а налетчики Иррисена настолько усмирены, что старейшины посылают тебя за сотни миль, чтобы ты вмешивалась в дела, которые их больше не касаются?"

"Если бы ты заботилась о деревне, ты бы вернулась со мной и ответила за то, что ты сделала".

"Что я сделала?" недоверчиво повторил Элласиф. "Ты предала мою сестру и тем самым предала меня, своего старшего друга!"

Слабый цвет залил лицо женщины. "Это было необходимо. Так решили старейшины. Я просто выполнила свой долг. Что бы ты ни думала обо мне, я пришла сюда по дружбе".

"Несколько лет назад я могла бы в это поверить".

Элласиф сделала шаг ближе. Рука Оленьки метнулась к рукояти ножа. Реакция вызвала мрачный кивок со стороны меньшей женщины.

"Теперь мы знаем друг друга лучше, не так ли?" Когда-то Оленька была ее самой дорогой подругой. Именно Оленьке Элласиф доверила свой самый сокровенный секрет, когда больше не могла нести его в одиночку. Долгие годы она верила, что это не принесет вреда, но в конце концов груз тайны оказался слишком велик, и старейшины узнали правду. Оленьке не нужно было напоминать о цене ее предательства, но Элласиф все равно напомнил ей об этом. "Я доверяла тебе, и Лив тоже".

"Она слышала вещи до того, как они были сказаны, видела вещи до того, как они произошли".

"Ты должна была увидеть в ней этот дар!"

"Некоторые так и сделали. Налетчики из Иррисена осаждали деревню годами. Когда Лив покинула Белый Грач, они оставили нас в покое". Лицо Оленьки смягчилось. "Возвращайся, Элласиф. Теперь, когда ведьмы больше нет..."

Кулак Элласифа врезался в челюсть Оленки. Высокая женщина отшатнулась назад на шаг и выплюнула кровавую пену и сломанный зуб на ладонь. Ее мускулистое тело напряглось, а затем расслабилось.

"Я заслужила это", - сказала она. "Мои слова были неудачно подобраны. Но посмотри на нашу ссору с другой стороны, Элласиф. Теперь, когда... все пришло в норму, совет старейшин хочет, чтобы ты вернулся".

"Какая у них может быть причина вызывать сестру ведьмы?"

"Красная Охме мертва."

Тишина опустилась на обеих женщин, как погребальный саван. Элласиф видела, как ее собственное горе отражается на веснушчатом лице Оленьки, и они молча скорбели вместе. Нельзя было отрицать, что Красная Охме была старой женщиной, давно перешагнувшей тот возраст, когда любой воин рассчитывает дожить до старости. Эта новость не должна была стать неожиданностью, но почему-то она все равно вонзила холодный нож в сердце Элласиф.

"Как?" - спросила она.

"Истощающая болезнь. Всего за одну зиму она превратилась в тряпку и кости. Когда ее время подошло, она отправилась в море и нанялась к капитану, которого знала много лет назад. Они отправились в набег. Позже капитан послал весточку в деревню. Красная Охме хотела, чтобы знали, что она умерла, стоя ногами на палубе корабля и с мечом в руке".

Элласиф отодвинула мысли о собственной потере в сторону, чтобы принять конец, который выбрала ее приемная мать. "Хорошая смерть".

Оленька кивнула.

"Значит, теперь совету старейшин нужен новый боевой лидер".

"Они хотят тебя".

Элласиф постучала пальцем по подбородку и сделала вид, что обдумывает сказанное. Было

время, когда ее самым эгоистичным желанием было возглавить защитников деревни, как это сделала Красная Охмел. Она всегда мечтала подражать женщине, которой восхищалась больше других героев Белого Грача - деревни, чьи имена воинов воспевались по всем Землям Королей Линнорма. И все же это были те же жители, которые поносили ее сестру Лив, которую Элласиф практически вырастила как собственную дочь. То, что они сделали с ней, Элласиф никогда не сможет простить.

"Скажи мне, Оленька, - сказала она. "Жив ли еще мой черный козел Сатир? Тот, который пытался перекрыть все - от ездовой собаки до медведицы?"

Оленька нахмурилась. "Думаю, да".

Элласиф улыбнулся. "Тогда скажи старейшинам, что я вернусь в Белый Грач после того, как они выстроятся внутри загона Сатира, сбросят штаны и схватятся за забор".

"Елласиф!" Оленька никогда не брезговала грубыми оскорблениями, но применять их к старейшинам деревни было ересью. "Нет времени на глупости. Мой приказ - вернуться с тобой и служить под твоим руководством, или же потребовать чести, принеся домой твое тело".

"Я должна доставить тебе неудобства", - сказала Элласиф. "Я все еще использую его".

"Я не хочу убивать тебя", - прошептала Оленька. "Честно говоря, я не думаю, что смогла бы".

"Вот это", - одобрительно сказала меньшая женщина, - "первая разумная вещь, которую ты сказала сегодня вечером".

"Так ты пойдешь со мной? Ты вернешься домой?"

Умоляющая нотка в голосе Оленьки затронула то место в сердце Элласиф, которое она считала давно замерзшим.

"Я подумаю над твоим предложением", - сказала она. "Как долго ты будешь ждать?"

По лицу Оленьки разлилось облегчение. "Меня ждут к следующему новолунию. Если мы выедем завтра и будем скакать изо всех сил, то должны успеть".

"Ты получишь мой ответ завтра на рассвете. Если я решу, что ты не будешь путешествовать одна, я организую проезд для двоих на корабле, идущем на север".

Оленька протянула руку. Они сцепили запястья друг друга, чтобы скрепить соглашение. Крупная женщина хотела сказать что-то еще, но потом покачала головой и вышла из тесной комнаты.

Элласиф слушала, как ее посетительница спускается по лестнице. Когда она убедилась, что Оленька уже далеко, она открыла задвижку на окне спальни и выскользнула в ночь.

После первого же дня, проведенного в преследовании своей жертвы по Корвосе, Элласиф поняла, что самый быстрый путь через город можно найти на его крышах. Шинглас был не просто рядом тропинок над соединенными зданиями, а самостоятельным районом. Многие жители Корвосы, и не только нищие, ночевавшие в постоянно перемещающихся лачугах, выходили на крыши. Там, высоко над патрулируемыми улицами, можно было вести всевозможные дела. Это был не самый безопасный путь через город, но за время своего короткого пребывания Элласиф заработала определенную репутацию, и никто не беспокоил ее,

когда она направлялась обратно к Высотам Корвосы.

Ей нужно было действовать быстро. Ей нужен был волшебник, и она хорошо представляла себе, где найти такого, который мог бы подойти для ее целей.

Когда Элласиф стояла на улице за усадьбой астронома, луна уже поднялась высоко в небо. Прижавшись к стене сада, она наблюдала из тени, как темноволосый молодой человек, ростом не намного выше ее, возится с мелом, свечами и маленькими фетишистскими предметами, которые, казалось, были собраны из мусорной корзины мясника. Он начал ходить по начерченному на земле кругу, с каждым шагом выкрикивая острые слова. Когда начерченные мелом метки приобрели слабый красный отблеск, он отступил назад и начал второй, более мягкий напев.

На зов волшебника прибежали крысы, выскользнув из тени в количестве нескольких штук. Он схватил четырех из них за хвосты, по две в каждую руку, и бросил их в светящийся круг.

Что-то вспыхнуло, что-то без звука, цвета или даже света. До этого момента Элласиф никогда бы не подумала, что огонь может быть таким темным, но "черный огонь" - это лучшее, что она могла придумать для описания бесплотных языков, поглощавших крыс.

Огонь исчез так же внезапно, как и вспыхнул. На его месте стояла одна чудовищная крыса, размером с четырех крыс, которых волшебник принес в жертву по очереди. Ее глаза были неестественно большими и выпуклыми, и они светились злобным красным коварством.

"Деклан Авари", - сказал волшебник. "Запомни это, Вексер, ибо это имя твоей добычи. Возьми его душу, если сможешь достать ее. Съешь его печень, если не сможешь".

Крысолюд улыбнулся.

По позвоночнику Элласиф пробежала дрожь. Невозможно было ошибиться в природе и происхождении духа, заключенного в этом огромном гаде. Все, что она видела с момента прибытия в Корвосу, укрепляло ее во мнении, что этот город стоит на воротах в Ад. Леса ее родины, населенные феями, не подготовили ее к встрече с местом, где стаи импов встречаются так же часто, как вороны, и где каждый, кто надеется стать волшебником, должен научиться вызывать дьяволов.

В таком городе, казалось, каждый, кто может позволить себе немного магии, будет защищать свои дома от inferнальных существ. И это, решила Элласиф, объясняло, почему некромант облачил своего злого слугу в плоть самого обычного существа. В виде крысы, возможно, маленький дьявол сможет проскользнуть мимо магической защиты поместья и выполнить приказ волшебника.

Элласиф потянулась за специальным оружием, спрятанным в маленьком мешочке, который Лив пришила к подолу ее туники. Она наблюдала, как волшебник проделал брешь в круге из мела. В отверстие проскользнул изверг. Это, похоже, разрушило и второе заклинание волшебника, потому что стая крыс разбежалась и скрылась в ночи.

Как только волшебник отвернулся, Элласиф взобрался на стену, отделявшую заднюю улицу от сада астронома.

Гигантская крыса оказалась проворнее. Она вскарабкалась по одной стороне, спустилась по другой и помчалась к усадьбе, бесшумная, как тень.

Элласиф поднесла к губам маленький серебряный свисток и дунула.

Из свистка не раздалось ни звука, но крысиный зверь забился в конвульсиях и внезапно остановился.

Элласиф прыгнула на землю и продолжила дуть в свисток, на бегу доставая меч через плечо.

Пока она дула, гигантский грызун корчился от боли, но как только она остановилась, чтобы перевести дух, существо вихрем метнулось к ней и встало на задние лапы. Между его лапами, больше похожими на когтистые человеческие руки, собрался злобный красный колдовской свет.

Меч Элласиф опустил и отрубил их.

Крысоящер упал на землю и попытался спастись бегством. Из отрубленных конечностей вытекал иxor, оставляя на мшистой тропинке дымящийся след. Элласиф последовала за ним, высоко подняв меч. Она настигла тварь в несколько быстрых шагов и нанесла мощный удар. Тяжелое лезвие рассекло черную кожу мерзости и глубоко вонзилось в мясо и кости.

Из туши вырвался черный огонь. Элласиф отшатнулась назад, прижав одну руку к носу, чтобы уберечься от обжигающей вони серы.

Черное пламя приняло форму маленького дьявола с крыльями летучей мыши и отвратительным лицом, увенчанным длинными завивающимися рогами. Бес кружил вокруг Элласиф, словно пытаясь решить, какая ее часть может быть самой вкусной.

Что-то быстрое и бледное пронеслось с неба, словно пикирующий ястреб. Элласиф крутанулась в сторону, меч взметнулся вверх по защитной дуге.

Но нападавший - бледно-голубой дракон размером с молодого кролика - не заботился о ней. Он врезался в Беса, заставив его вращаться в воздухе и рухнуть лицом на садовую статую.

Бес соскользнул со скульптуры и упал на гравийную дорожку. Он поднялся, приседая и шипя, как бешеная кошка, а затем бросился в полет.

Имп и дракончик встретились в воздухе, щелкая челюстями, когда они вцепились друг в друга своими острыми когтями. Их колючие хвосты хлестали и кололи, дуэлирую, как пара гибких мечей, в состязании, казалось бы, независимом от битвы зубов и когтей. Существа разрывались на части, падали на землю и снова поднимались, чтобы сразиться на крыльях, как территориальные птицы.

В другое время Элласиф, возможно, была бы очарована крошечным небесно-голубым драконом, и, конечно же, ее очаровала бы живая поэзия утра и полуночи, сражающихся за обладание небом, но она торопилась. Она снова дунула в свисток.

Бес и дракон отпрыгнули в сторону, словно одинаково болезненные от звука, который Элласиф не могла слышать. Они зависли на мгновение, били крыльями, глядя на нее сверху вниз.

Шипящий звук привлек внимание Элласиф к кусту роз под импом, который завял и поник от иxора, капающего из ран существа. Дракон, напротив, выглядел невредимым.

Она не удивилась, когда имп отказался от битвы и умчался в ночное небо. Маленький дракончик последовал за ним по пятам.

Элласиф кивнула, удовлетворенная тем, что нашла подходящего волшебника для своих целей.

Выследить его было несложно. Остатки мела от круга призыва на подошвах его сапог продержатся достаточно долго, чтобы он смог дойти до ближайшей таверны. Элласиф последовала за ним в прокуренный зал и без приглашения села за стол.

Взгляд мага прошелся по ней, грубо и явно оценивая. "Ты нанимаешься на работу?"

"Тебя?"

Удивление покраснело на его лице, но быстро сменилось весельем. "Никто еще не задавал мне такого вопроса. Это довольно интересное понятие", - сказал он с усмешкой.

Элласиф закатила глаза. "Пожалуйста. Эта серебряная медаль говорит мне о том, что ты маг Смерти, а мне нужно некоторое время побыть мертвой".

"Ах." Он откинулся на спинку кресла, выражение его лица сузилось до надменной ухмылки. "Да, я некромант, но даже для того, кто обладает значительным мастерством, "умереть на время" - это высокая задача".

Элласиф проигнорировал насмешку в его голосе. "Мне нужно казаться мертвой. Ты можешь сделать труп похожим на меня?"

"У тебя есть конкретный труп на примете?"

"Я ничего не имею в виду, пока труп близок к моему размеру и есть правдоподобная причина для того, чтобы он был трупом".

Любопытство смахнуло презрение с его лица. "Близок к твоему размеру", - повторил он. "Какая-нибудь конкретная причина для этого?"

"Есть истории об амулетах, предметах, которые можно заколдовать, чтобы труп стал похож на другого человека. Превращение, - подчеркнула она, - а не просто иллюзия. Мне нужен маг смерти, чтобы поместить что-то свое в такой медальон и произнести заклинание".

Некромант приподнял одну бровь. "Ты хорошо информирована для варвара. Но если бы ты действительно изучала искусство магии, а не полагалась на рассказы путешественников, ты бы знала, что такие предметы стоят довольно дорого. Даже если не обращать внимания на заклинание, ожерелье достаточного качества, чтобы быть достойным фокуса, вероятно, стоит больше, чем..."

Он прервался, когда Элласиф поднял сверкающий медальон, чтобы тот висел перед его лицом. Это была крошечная серебряная клеточка, покрытая слоями сложной филигранной резьбы.

Некромант притворился непринужденным, но она видела, что он вдруг стал относиться к их обмену более серьезно. "Красивая безделушка", - сказал он. "Как ты ее приобрела?"

"Мне нравится ходить по магазинам", - сказала она. "Ты можешь произнести заклинание или нет?"

"Да. Да, конечно". Он облизал губы - жест одновременно нервный и жадный.

Элласиф заправила амулет в тунику. "Произнеси слова".

Он моргнул. "Что?"

"Заклинание. Скажи первые три слова".

"Я правильно понимаю, - зловеще произнес он, - что ты хочешь, чтобы я прошел проверку?"

Элласиф положила обе ладони на стол и наклонилась вперед, словно собираясь подняться. "У меня нет времени, чтобы тратить его впустую. Если ты не можешь произнести заклинание, мне нужно найти того, кто сможет. К твоему сведению, я уже слышала, как его произносят. Я не волшебница, поэтому не могу произнести эти слова, но я помню, как они звучат".

Некромант уставился на нее, его гордость боролась с жадностью. Наконец он вскинул руки и пробормотал какую-то сипловатую фразу.

Элласиф кивнула и откинулась в кресле. "Ты справишься".

"Ты слишком добра", - с горечью сказал он. Он прочистил горло. "Остается небольшой вопрос о моем гонораре..."

"Я планирую использовать амулет завтра утром. После этого ты можешь оставить его себе".

"Согласен", - сказал он. По тому, как быстро он согласился, она поняла, что за некромантию платят не так хорошо, как она думала. По крайней мере, не за эту.

Она поднялась. "Тогда давай приступим к делу".

Он вскочил со стула и зашагал рядом с ней, явно воодушевленный удачей, свалившейся ему на голову. Когда они вышли на улицу, то недолго спорили о том, куда идти, чтобы произнести заклинание, и на каком транспорте туда добираться, но Элласиф знала, что поймала его на крючок.

Некромант оказался на удивление проворным, когда нужно было взобраться по водосточной трубе, чтобы добраться до Шингласа. Они без разговоров пронеслись по городским крышам и прильнули к окну ее чердачной комнаты за несколько часов до восхода солнца.

Некромант оглядел крошечную комнату. "Я возьму эту личную вещь сейчас. Локон волос подойдет".

Элласиф достала с пояса нож и отрезала прядь своих волос. Она намотала ее на маленький палец и положила украшение медового цвета в маленькую серебряную клеточку.

Его взгляд задержался на мешочке с монетами, привязанном к поясу Элласиф. "Это не дешевое заклинание. Для его произнесения нужны некоторые вещи, имеющие значительную ценность".

"У нас был уговор", - напомнила она ему.

"И я выполню его", - сказал он спокойно. "Мы договорились о моей плате за произнесение заклинания. Стоимость необходимых материалов - это другой вопрос. Сера, например..."

В прошлый раз, когда Элласиф видела это заклинание, волшебник использовал не более чем кусок воска. Этот либо пытался обмануть ее, либо был значительно менее искусен. В любом случае, это не имело значения. Она положила на прикроватную тумбочку перидот, драгоценный камень цвета ранней весенней листвы и размером с ноготь большого пальца.

"Этого должно хватить", - сказала она. "И у тебя уже есть вся сера, которая тебе нужна. Я почувствовала ее запах, когда ты произнес заклинание вызова в поместье астронома, и вонь все еще остается на тебе".

Его глаза сузились. "Я не видел тебя там".

"Ты и не собирался".

"И мой адский слуга тоже".

"О, он видел меня", - сказал Элласиф. Когда волшебник поднял бровь, она добавила: "Вероятно, оно не сочло меня большой угрозой".

"Да, вероятно, так оно и есть. Теперь о стоимости других компонентов..."

Элласиф сплела пальцы правой руки вокруг рукояти своего кинжала. "Два варианта: Ты можешь произнести заклинание, как договорились, или я отправлю тебя туда, где ты найдешь серу в избытке".

Маленький некромант пожал плечами, как бы показывая, что он ожидал такого исхода, но по обычаю был вынужден торговаться. Он откинул одну сторону своего малинового плаща и отстегнул ранец, висевший у него на плече. Он присел на край кровати. Немного порывшись, он поставил ранец на пол и поднялся с полустгоревшей свечой и куском едкого желтого угля в одной ладони.

Элласиф опустила амулет в его протянутую руку и нетерпеливо наблюдала, как он произносит заклинание. В ее понимании это не было чрезвычайно сложным магическим действием, но некромант произнес заклинание так театрально, словно представлял себя в окружении прыгающего пламени и хора мрачнолицых мужчин, скандирующих на забытом языке.

"Вот, держи", - сказал он наконец, протягивая ей амулет. "Когда найдешь подходящий труп, надень это ему на шею".

Элласиф взяла филигранный медальон, покрутила цепочку на пальце и пустила в полет. Она разомкнулась в круг, вращаясь в сторону некроманта, и опустилась ему на шею, прежде чем он успел отодвинуться.

Он смотрел на свой приз с довольной ухмылкой. Мягкое шипение оружия, выскользнувшего из ножен, привлекло его взгляд к Элласиф. В его глазах появилось испуганное понимание.

Элласиф метнула нож в некроманта. Он крутанулся один раз и глубоко вонзился в брюхо. Она подошла ближе, выдернула нож и снова вонзила его под ребра и под углом вверх, чтобы пронзить сердце.

Некромант был мертв еще до того, как упал на койку. Элласиф убедилась в этом, когда его лицо постепенно превратилось в подобие ее собственного.

На мгновение она замерла над кроватью и посмотрела на своего двойника. К ее облегчению, она правильно определила вес. Она была маленькой, но крепко сложенной. Маг был немного выше, но почти наверняка весил немного меньше, чем она. Это было важно. Она слышала, что если труп был значительно больше человека, которому он должен был подражать, то заклинание забирало все необходимое для трансформации, а лишнюю плоть оставляло. Груда лишнего мяса, размышляла она, была именно той деталью, которая побуждала людей

остановиться и подумать больше, чем это было удобно для ее нынешних целей.

Взглянув в открытое окно, она увидела ночное небо, переходящее в глубокий сапфир раннего рассвета. Время поджимало. Она занялась подготовкой сцены: сначала срезала богатую одежду волшебника и запихнула ее в его ранец. Она откупорила бутылку дешевого вина, купленную у торговца из Шингласа, и расплескала немного вокруг. Пустой кошелек, расшитый в ульфенском стиле кругом из переплетенных волков, она бросила на пол. За ним последовали две мелкие медные монеты, одну из которых она засунула под кровать, чтобы создать впечатление, что она упала и покатилась, когда кто-то поспешно опустошал кошелек. На прикроватном столике она оставила клочок бумаги, гарантирующий проезд на двоих на корабле северного направления, который должен был отплыть из Корвосы около полудня.

Она оставила нож в сердце некроманта.

Быть зарезанным разбойником во время сна от выпитого в городе вина - не лучшая смерть для ульфенского воина. Элласиф не знала, сочтет ли Оленька такой конец трагичным или уместным.

Она подобрала ранец волшебника и выскользнула через чердачное окно. Выбравшись на крышу, она присела в тени дымохода и осмотрела крыши, улицы и небо в поисках кого-нибудь или чего-нибудь, что могло последовать за волшебником. Кроме импов и драконов, которые время от времени проносились мимо, затеявая свои стычки, единственным признаком жизни была троица студентов, бредущих по улице, закинув руки друг другу на плечи и распевая пьяный гимн братству. Они пели с энтузиазмом, несмотря на то, что только один из них, похоже, знал слова.

На другой стороне улицы окно второго этажа распахнулось, и из него высунулся хмурый белобородый мужчина и запустил в певцов горшком. Горшок разбился о булыжники, забрызгав мочой халаты студентов.

Начался обмен оскорблениями, и Элласиф получила все необходимое прикрытие, чтобы вскарабкаться по задней стороне здания на второй этаж, а затем спуститься на крышу большой горлицы - округлой башни с множеством крошечных арочных дверных проемов на каждом гнездовом уровне. Оттуда ей было легко подниматься, и единственным звуком, обозначающим ее проход, было журчание и воркование птиц внутри. По ее мнению, Корвосанцы предусмотрительно предоставили жилье для городских голубей, не говоря уже об удобных поручнях для тех, кто хотел прийти и уйти незамеченными.

Элласиф обогнула "Дрожащее перо" - публичный дом, который оставался открытым всю ночь. Немногие завсегдатаи, продержавшиеся до этого часа, были изрядно нагружены. Мужчины с лицами, потускневшими от слишком большого количества эля и слишком малого количества гордых воспоминаний, откинулись в креслах. Студенты и писцы склонились над своими книгами, пергаменами и чашками с горьковатым напитком, их пальцы были испачканы чернилами, а тени под глазами были темными и тяжелыми, как синяки. Все они были слишком погружены в свои напитки, чтобы обращать на нее внимание. Она выбрала место, которое стояло спиной к стене и открывало хороший вид на постоянный двор.

Оленька вошла в дом на рассвете, как и было условлено. Через несколько мгновений она вернулась на улицу, тело "Элласиф" незаметно скатилось на ковер в спальне и было перекинуто через одно плечо.

Элласиф улыбнулась. Когда действие заклинания превращения закончится, корабль будет уже

в пути. Старейшины Белого Грача не будут одурачены, но она избавится от Оленьки в обозримом будущем.

Теперь оставалось только организовать безопасный проход в северные земли для себя и другого волшебника, на которого у нее были планы, - Деклана Авари.

Подписывайтесь и поддержите мой небольшой проект!

Вконтакте: <https://vk.com/ttrpgs>

Бусти: <https://boosty.to/ttrpgs>

Спасибо за внимание!

Перевод: Senar

Pathfinder Tales 02 - Зимняя Ведьма, Элейн Каннингем (2010)

Pathfinder Tales 02 - Winter Witch, Elaine Cunningham (2010)

<http://tl.rulate.ru/book/62477/1627382>